

**ДИАНА
ДУБРОВСКАЯ**

НЕБО ЦВЕТА

ЕЕ ГЛАЗ

Диана Дубровская
Небо цвета ее глаз

«АСТ»

Дубровская Д.

Небо цвета ее глаз / Д. Дубровская — «АСТ»,

Джеймс Уоллер-мелкий воришка, мечтающий о Европе и богатстве-решает повернуть грандиозное дело, что приведет его к новой безбедной жизни. Встретив на окраине города богатую девушку, он понимает, что впервые его влечение к даме приобретает бесконечную тягу и невообразимую страсть. Совершив крупный грабеж, он ставит точку, не имея возможности вернуться к прежней жизни. Сквозь года ошибка юноши привела его к расследованию светской противозаконности в Лондонском казино, ненависти к себе и безразличию к людям. Нерушимая связь с замужней Грейс Донован пробудила в нем самое худшее-запретную страсть.

НАЧАЛО

**«Я буду рад рассказать эту историю своей дочери.
Историю любви, точка в которой будет ставиться лишь в конце моей эпитафии»**

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Эпилог

Послесловие

НЕБО ЦВЕТА ЕЕ ГЛАЗ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Гейб! Друг мой! Ты готов восстановить справедливость? – спрашиваю я своего парнишку.

Весельчака, с крепкими руками, но худощавым телом. Сирота, обладающий хорошими манерами с нашими фермерскими девчонками, однако, острым языком в компании мужчин.

– Ты так спокоен, Джеймс. А не задумывался, что будет если нас поймают? – ответил он мне с явной трусостью, что так была несовместима с ним.

– Что только может не случиться?! Большая, конечно, вероятность, что мы останемся без головы, но, если свезет, оставшуюся жизнь будем гнить в тюрьме, – саркастически отвечаю я другу.

– Вот поэтому, я и говорю, подумать еще немного, все ли верно мы просчитали? Мы точно сможем управиться с охранником? – повторяет он этот крайне надоедливый вопрос.

Хоть и изредка показывал он мне свои переживания, еще реже можно было услышать тревожность, захватившую тон его голоса. Это явление сейчас представилось мне, как непонятный переход за грань его повседневного поведения. Хотя переживания, увы, но были совершенно обоснованными, а осторожность, которую он всегда проявлял, являлась основной причиной наших заслуг.

Я отмахнулся рукой, надеясь, что удача будет на нашей стороне, как обычно, и было, но во мне бушевал страх, что все же что-то может пойти не так.

– Обойдется все. Своего я в любом случае добьюсь. Мы это для себя же делаем. Представь: Загранице, рестораны, девушки, – перебил я вслух свою тайную тревогу, беззаботными словами и улыбкой.

– Это и вправду стоит того, – подтверждает Гейб, помяв немного руки.

Я простой фермерский парень. Всю жизнь я прожил в маленьком, разваливающимся домике в Озерных краях, города «Кесвик». И если верить моему отцу, наше сословие рабочих, с недавнего времени, оказалось не на самом дне жизни, как мне могло показаться.

Скажу сразу, в открытую, без стыда и отговорок. Я всегда жаждал лучшего! И я, и мой отец и даже покойная мать, не достойны такой убогой жизни. Но изменить я ничего не мог, как думал я раньше. Кто я, и где, то место которому я нужен? Неужели оно останавливалось на разведении лошадей и ожидания урожая? Существует ли, что-то, что могло осчастливить меня настолько, что мог бы я с легкостью забыть родные края? Да, и это называлось «другой жизнью!». Богатой жизнью, наполненной удовольствием в каждом дне и отсутствием отказов в том, что требовала моя душа.

И вот, как-то однажды, мы с Гейбом решили изменить всю нашу жизнь. В наши головы, взбрело ограбить представителя крупного завода в самом ближнем и обеспеченном городе, неподалеку от нашего. Все как в мечтах: разбогатеть, уехать за границу, зажить как в сказке, найти работу по душе, а может и вовсе не работать!

По моим размышлениям это всегда казалось легко. И сошел бы я за легкомысленного глупца, но я-то знаю, о чем говорю, и друг мой тоже это знал; всегда добавлял к нашему основному плану все самые безумные мечтания и представления о будущем ликование где-то далеко от сюда. Наши общие амбиции делали нас сильнее. Это не было импульсивным решением. Это было массовым планом.

Возникал еще один важнейший вопрос. Как же с этим жить? Ведь моральный выбор является тем, что почти всегда характеризует наш внутренний мир. Может и так, но я принял по-своему тоже сложное решение, хотя придумано оно было как «легкий выход». Не вспоминать, и, даже не предполагать, что тот богач будет страдать и мучиться, по своему финансовому положению. Конечно! Ведь если рассуждать позитивно, то в скором времени он станет банкротом.

И да! Я не припомнил пару очень значительных вещей о нашей «беззаботной, легкомысленной фермерской жизни». Начал бы я с того, что Гейб Митчелл является мне лучшим другом с того самого момента, как я начал себя помнить. Всегда мы являлись главарями в мутных компаниях, если на то, было время.

И никому было не понять кто на кого плохо влияет. Нас, как бесстрашных заводил, пороли в сарае, обязательно хотя бы раз в неделю, за значительный проступок; это те, что не сходили нам с рук! В большинстве наших проделок нам везло, и все же, выросши, мы остались братьями. Мы делали все сообща; мы жили сообща. Такая дружба многого стоила.

И этот период жизни произошел вместе с Гейбом. Сначала мы были мелкими воришками и были рады самому малому, что нам удавалось достать своими силами и смешленостью. А дальше из нас выросли профессионалы своего дела. Наша небольшая, но все же криминальная карьера, росла в гору. Мы уж думали, что достигли славы в своих глазах, до этого не воображаемого плана.

Постоянные раздумья мешали мне во многом. Да, и с местными красавицами все не сходилось. Постоянные требования внимания, потом и сплетни про подруг шли в ход, в повседневные разговоры. У меня быстро проходил интерес к тому что я видел, с кем я пытался поговорить. Мне становилось скучно! Настолько скучно, что со временем моя же совесть никак не откликалась на похоть, и мои несправедливые, ветреные поступки в сторону девушек, что казались мне пустышками.

Я не могу ответить на вопрос, хороший ли я человек. Я просто делал; и делал так, чтобы чувство вины никогда не брало надо мной вверх. Ведь, всегда хотелось чего-то нового, чего-то завлекающего снова и снова. Меня затягивало, но тут же выбрасывало из этого порыва фальшивых, временных чувств. Интерес сменялся опустошением, а опустошение новым интересом. И так, перебрал всех девушек в нашей местности, ни к чему практичному я не пришел.

Я вернулся сегодня домой, чтобы проведать отца. Обычно домой я прихожу только переночевать, но из-за плохого самочувствия трудолюбивого рабочего, которому выписал местный лекарь «покой», я почувствовал, что стоит проверить его. Но позабыл, что меня ждет нескончаемый разговор: «А когда меня не станет» – словно молитву проговаривал он мне, каждый раз, когда чуть прихватывало сердце, но что бы не было, волновало меня это мало.

Я поздоровался с нашей соседкой, тетей Энн. При виде которой я думаю, какая по истине она добрая женщина, что помогала нам с отцом в трудные времена; ее поступок оставался в моей памяти. Но все же единственным качеством, которое раздражало меня в людях больше, чем другие остальные, являлось любопытство. И в этот раз я не смог увильнуть от разговора с ней. Меня спасло только то, что у отца больное сердце. Это было действенной отговоркой, чтобы закончить столь неинтересный мне разговор. С этой мыслью, я смог дойти до порога своего же дома. С трудом, не отговорив себя повернуть обратно.

Глава 2

Только захлопнулась за мной дверь и, со лживой уверенностью, я перешагнул порог, по привычке повернув голову в левую сторону. Я настолько знал своего отца, что без сомнений; он

сидел за столиком, где мог спать, есть, и променять свою любящую жену и семейную жизнь, на более важное, по его мнению. На вот это! Стол с медью, и стоящей кружкой молока от соседки.

Но, пожалуй, пока рано сваливать все в одну большую кучу, поэтому я утихомирил свои мысли, чтобы вновь не заводиться от вида этой картины.

– Джеймс, о, ты пришел! Сядь, – указывает он своей рукой на стул, напротив.

Я безмолвно сажусь и жду начинания диалога, что наверняка будет не так уж прост, ведь дома я не бывал пару ночей. И чего следовало ожидать от моего появления?

– Я не буду придумывать вступление к тому, что скажу, но ты ведь знаешь, что ты мой единственный ребенок, единственный сын. И чего бы хотела твоя мать для тебя...

– Не смей впутывать мою мать в то, что хочешь сказать! И не тяни. Я не буду долго терпеть, ты знаешь, – рявкнул я на старика, из-за упоминания о моей матери в своем бессмысленном, жалком предложении; пытаюсь разжалобить меня, и оправдаться тем, что его слова сошлись бы с мнением моей матери, которые имели бы большую ценность, в отличие от его болтовни.

– Я пытаюсь понять тебя. Всегда пытался. Но когда меня не станет...

«Скоро, меня уже не станет, от таких разговоров» – подумал, в который раз, я, но продолжил слушать его лепет. Который затянулся так, что половину разговора я благополучно пропустил, и вернулся из своих мыслей только когда тон его голоса немного повысился.

– ...в общем, я хочу, – решительно начал говорить отец, – я прошу, подумать о жизни, которую ты видишь в будущем. Призываю подумать о семье, которую надо уже создавать, – он немного задумался и добавил, – ...и наверно главное, сохранить ее. Школу ты забросил уже давно, так что нечего сидеть без дела.

«Школа». Вспомнилось мне, такое серое место... и только к урокам литературы я проявлял яркий, выделяющий интерес поэтому, когда ушла наша учительница, я больше не видел никакого смысла появляться там. При слове «школа» я вспоминаю ее.

Ее мягкий успокаивающий голос, что мог утихомирить даже самых непослушных детей. На ее уроках я сидел тихо, и показывал свою заинтересованность сполна. Она была женщиной уже возраста, подходящего к пожилому, но множество морщин делали ее лишь еще красивее. Все это было уже неважно, ведь преподавательница ушла, а с ней и вся тяга к знаниям.

Голос отца опять вернул меня из хороших воспоминаний, что порой накрывали мое сознание, как шерстяной плед в самую тоскливую погоду. Он вообще помнит, что мне уже за двадцать...?

– Я не знаю, как сказать это, чтобы достучаться! Но ты должен стать человеком, сын, – помотал головой отец.

Неужто, чувство вины может толкать человека на такие слова?

– Ясно, хорошо... я понял. Могу идти? – смиренно ответил я, жажда выйти за порог и стереть этот разговор из памяти, как десяток других.

– Я говорю совершенно серьезно! Джеймс, это мое единственное желание! Что бы ты стал примерным человеком и мужем. Я долго не протяну, ты это знаешь. Я должен быть уверен в тебе. В своем деле!

– Примерным человеком и мужем как ты?! – воскликнул я.

Он стукнул кулаком по столу после краткого вздора. Эмоции, эмоции, эмоции! Что могло быть причиной, такого страха за мое будущее, если его присутствие в моем прошлом сводилось к нулю? Продолжение его дела... чертова ферма, что была мне не домом, а клеймом.

У меня никогда не было повода бояться отца. Не его руки, не его слова, не его решения, и не его потери. У меня нет повода верить в его искренность. Ведь искренность от чужого человека может быть самой пагубной для наших твердых решений.

– Прошу, подумай. Найди девушку, женись, пусть родит тебе ребенка. Продолжай мое дело. Живи достойно! Не лезь ты куда попало.

– Отец! – встал я из-за стола.

– Думаешь, я глупец? Думаешь, не знаю! Слепой? Глухой? Да каждый раз, сидя дома, я молюсь. Молюсь, чтобы ты домой вернулся! Чтобы в тюрьму не угодил! Каждый раз думаю, если вернется, руки опять грязные будут. В чужом, сворованном. Да нет нужды у нас! Нет! Чего же ты позор развозишь. Чего же добиваешься?! – встал он со стула, размахивая руками, насколько позволяют силы.

А я лишь моментально выскочил на улицу, что бы ни слова больше не было услышано мной. Такое странное чувство. Самоуверенный парень в какой-то момент выдыхается? Нет, я никогда не мог показать кому-либо этого. Чувство главной роли в своей жизни никогда не покидало меня. И моя роль – борец. Даже если не законопослушный. И я знаю, что моя история уж точно не должна начаться здесь.

Сидя, на деревяшке у колодца, облепленным мелкими камушками, которые я пересчитал уже по третьему разу, мои размышления перебило чуть истеричное дыхание. Раздраженно, я повернулся, чтобы сказать проваливать человеку, что нарушил мое одиночество... но это оказалась девушка.

На лице моем отразилось разочарование от не случившейся потасовки, но и мимолетная идея будущего времяпрепровождения, что проскочила в мою голову, когда я пытался разглядеть хотя бы ее профиль. Она сидела спиной ко мне в паре метров, но я, явно, был незамеченным.

Светло-золотистые волосы волнами свисали ниже плеч, но только платье привлекло мое внимание. Лиловый цвет, рюшки... Да что она тут делает? Девушка не из бедных, это точно!

Я был бы скорее идиотом, если бы ушел, не успокоив богатенькую леди. Хоть и настроение подводило меня, а слова отца имели тошную правдивость.

– Эй! – окликнул я ее, не подходя совсем близко, чтобы не напугать своим неожиданным присутствием, и внушить каплю доверия.

Она повернулась, и тут-то я подумал, что как бы сладко это не звучало, но девушек красивой, пока что, я не видел. Такой прелестный... голубоглазый, заплаканный, ангел.

Такие безупречные женственные черты лица, хоть и по возрасту она была ненамного младше меня, как мне показалось. В любом случае это было мне на руку, она была передо мной. Молода, наивна и опечалена. В душе ждала поддержки и успокоения от другого человека, кем однозначно должен был стать я.

– Что тебе нужно? – резко ответила она после паузы, в которой рассмотрела меня.

– Видно ты в отчаянии. Я решил, что тебе может помочь компания, – с доброй улыбкой сказал я, сам не зная, поступил бы я когда-нибудь так же, не имея выгоды.

– Я не в отчаянии, тебе показалось, – вытерла она, оставшиеся капли на щеках, рукавом, и неприветливо улыбнулась, смотря мне прямо в глаза, будто передразнивая мою наигранную улыбку.

Ее прямой взгляд смутил меня. Я сдержал удивленную паузу, и хотел было продолжить говорить, но она, увидев мой открывающийся рот, тут же грубо остановила меня.

– По мне не видно, что знакомится с тобой я не хочу? Иди болтай с другими, мне не нужна помощь! Интуиция не подсказывает тебе, что...

– ... что очень привлекательная девушка, нуждается в очень веселом, симпатичном парне, что может выслушать ее терзающую душу историю, а затем повысить ей настроение? Разве это плохо? – облокотился я на дерево, рядом с ней. – Моя интуиция кричит мне об этом! Как я могу не довериться?

Первый шаг сделан, девушка улыбнулась. Приблизившись к ней, я понял, как недооценил ее глаза. Они действительно были прекрасны. Любой бы клюнул на нее, посмотрев только в

них, не считая всех других ее внешних достоинств. Да и в улыбке было, что-то показывающее ее дурманящую натуру. И она была не так деликатна, что подогревало мой интерес к ней.

– Что у тебя случилось? – легко сказал я, не настаивая. – Можешь не отвечать, разумеется... если не хочешь.

– А тебе прям так и хочется разговорить меня?!

– Я был бы рад сделать хоть что-то, чтобы другой человек не чувствовал себя одиноко, – я старался отводить свой взгляд от нее, но не потому что боялся, что ложь в глаза – слишком подло, нет. Я просто знал, что слишком падок на красивых девушек, а влюбленность в очередную «сумку с деньгами» – слишком совестно.

Она смолкла на время.

– Я просто хочу дышать, – тихо произнесла она.

– И что это должно значить? – спросил я.

– Рассказывать личные проблемы незнакомым людям, глупо, а надеяться на понимание, еще глупее. Так что довольствуйся тем, что я уже сказала.

Она встала с переваленного дерева и направилась в неопределенную сторону.

– Ты уходишь? А как же попросить проводить? Спросить имя? – самоуверенно начал предлагать я варианты, чтобы она поняла мои намерения.

Но она только усмехнулась.

– Я не нуждаюсь, не в провожание до дома, не в знании твоего имени, – засмеялась она, обернувшись, смотря на меня, как на дурака.

Я снова удивился проявленному характеру. Желание выгоды очень быстро отпало, вместо него остались неопределенные впечатления и пылающая заинтересованность.

– Меня зовут, Грейс! – скрываясь за деревьями, довольно крикнула она, и я проводил ее взглядом.

Чуть позже, голос Гейба раздался в дали.

– Джеймс! – прокричал он.

Я, помахав рукой, пошел ему навстречу.

– Все хорошо...? – спросил он.

– Да, конечно, – приврал я, не сказав об инциденте с отцом.

– Ночью, через несколько дней?

– Да, – ответил я на вопрос об ограблении.

Глава 3

В знак благодарности, за отзывчивость соседки, я делал то, на что у нее не хватало ни времени, ни терпения. Я проводил время с ее дочерью. Приглядывал я за ней с самого детства, так что никогда это не было мне в тягость. Пятнадцатилетняя темноволосая девочка, что любила игры, приключения и неприятности, являлась мне вторым близким человеком, после Гейба. Ну а все вместе, они составляли одно большое сердце Озерного края, что делали мою жизнь ярче и прекрасней.

Тетя Энн доверяла мне ее как младшую сестру, и велела всегда держать ее в узде, хотя шли годы, а ничего не менялось. Оливия росла в компании мальчишек, воспитавшие в ней свойственность бунтовать, и намеренно создавать себе проблемы.

Увы, главной ее проблемой все равно являлся я, а точнее ее юные, пылающие чувства. Может я и не задумывался, что было бы, если бы она была старше, или может, что будет, когда она действительно станет старше?

Бывало, что слова моей мамы приводили меня в ступор, когда она тыкала в меня указательным пальцем, и твердила про мужество «говорить, как есть», без лишних отговорок, что

якобы оправдывали отвержение чувств другого. Тогда я был ребенком, но ее слова являются советом мне по сей день. Если нет чувств – это причина, и только это имело значение, а не отговорки, что ты придумал для смягчения удара. Только иметь бы храбрости этим воспользоваться.

Сейчас же храбрость заключал в том, чтобы постучать в дверь и встретить девочку, что некоторое время я даже избегал. Я стою у двери соседей протянув руку, и прекрасно знаю, что она этого ожидает. Ожидает прямо за дверью, той же у которой стою и я. Постучав, и не услышав никаких шагов, я подтвердил свои убеждения. Это были наши так называемые «интуитивные игры», что часто заканчивались моей победой.

Повернулась ручка двери.

– Так, так, так! Ну и не часто же ты появлялся, – сказала она, приятно обняв меня. – Месть моя будет страшна, ты знаешь?! – с доброй улыбкой, шутя, ударила она меня по плечу немного шатнувшись.

– У меня были дела, ты знаешь, – сказал я достаточно неубедительно.

– Да, я знаю, – она поджала губы, как будто разочаровавшись моему глупому оправданию. – Проходи уже, – сказала Оливия и протолкнула меня в дом. – Ты будешь что-нибудь? Мама недавно готовила.

– Нет, нет, спасибо.

– Мы пойдем веселиться на неделе, ты с нами? Гейб там будет, если ты не захочешь идти без него, – садясь на кресло спокойно сказала она.

– Что значит веселиться? Мы договаривались, что ты не будешь ходить в такие места без меня!

– Ты пропал! – отрезала громко она, явно раздражаясь моей опеке.

– Оливия, мы договорились! Там слишком шумно, далеко не все тебе смогут там помочь, если что-то случится! – на повышенном тоне объяснял я ей.

– Почему там «что-то» должно случиться?! – перекрикивает она меня.

– Тебе пятнадцать!

– Черт возьми, я знаю, что мне пятнадцать! Не нужно мне напоминать об этом каждый раз, я устала это слушать! Меня не нужно оберегать. Когда же ты услышишь меня? Я тебе не младшая сестра!

Наступило молчание. Молчание, когда я задумался о том, насколько она права, но в то же время, как глубоко заблуждается.

– Ладно. Хорошо. Мы пойдем туда, куда ты хочешь. Но если узнает твоя...

– Не узнает, – перебила она меня с победной улыбкой, после которой я уже засомневался в своих мало обдуманных решениях. – Джеймс, я часто ходила туда. И даже без тебя, меня не трогали, с тобой то ко мне уж точно никто не подойдет... что между прочим огорчительно, – промелькнул намек, на противоположный пол, в ее сверкающих глазах, и совсем легкое смущение.

– Если ты хоть слово еще скажешь, то никуда не пойдешь. Я не хочу знать, сколько раз ты сбегала из дома, – твердо сказал я, зная, что могу передумать, если мы не закроем тему.

– Хорошо, не буду, – опустила она глаза, задумавшись. – Сбегаем на озеро? – резко спросила она меня.

И зная, какой ответ должен был я произнести, спеша добавила:

– Да, меня не отпускают. Да, я провинилась. Но это же не повод сидеть дома? Несмотря на все, что мы вытворяли раньше, ты очень ответственный и этим я хочу сказать...

– Пошли, – отрезал я без сомнений в этот раз.

– Так просто? – удивленно спросила она меня, недоверчиво вылупив глаза.

– Просто я вспомнил, что лес – это не самое худшее куда я водил тебя. Если твои родители узнали бы в какие путешествия мы влипали, они бы лишили меня жизни, не, то чтобы доверия, – с осознанием говорю я.

Оливия прихватывает полотенце перед выходом, и мы аккуратно удаляемся с территории их дома, надеясь не быть замеченным. Одну только ее, могут растерзать соседи и сдать родителям, обвинив в очередных побегах, так еще и в компании с мужчиной. Этого бы глаза ее соседок точно не смогли бы пропустить, так что предельная осторожность была кстати.

Из-за разговора с отцом весь день, по правде говоря, был испорчен. Все что я видел, было мне противно. И не преувеличивая, я принимаю то, что все мне в тягость. У меня нет желания беззаботно резвиться в озере, однако отведя взгляд от намокшей головы Оливии, купающейся вдалеке, я огорченно понял, что даже воздух, который я поглощал, был будто бы пропитан каплями тревожности, что следует за грузом, оставленным словами отца. Переступить через плохое настроение в этот миг мне кажется подвигом, к которому я не готов.

Однако, виду я не подавал, и со стороны выглядел скорее, как человек летающий в своих рассеянных мыслях, нежели как человек просто скверного настроения.

– Оливия... Оливия, где ты...!

Протяжно спросил я, потому что потерял ее из виду.

– Иду, я здесь! – прокричала она мне где-то отдаленно, из-за высоких деревьев и кустарников.

Через короткое время она уже стояла, облачиваясь на крепкое дерево, создающее единственную тень на этом маленьком озере.

Мне было лет двенадцать, когда я нашел это восхитительное место. И как-то раз сбегая из дома, точно так же, как и та, кого я ругаю за эти проделки, сломя голову побежал в лес. Я потерялся и прошел через множество ветвей, что остро царапали руки и щеки, оставляя красные следы, что потом обрабатывала мне мать, нежно поглаживая по голове и ругая, за глупость. Они привели меня сюда.

Один раз собираясь сюда снова, маленькая, капризная, пятилетняя девочка устроила непрерывные слезы, что остановить можно было только взяв ее туда, куда с ней не шли. Пришлось тащить Оливию через весь лес, до этого чудного места. Для нас оно было тайным. Оно было в глуби леса, и никто сюда не ходил; так мы думали.

Сколько бы лет не прошло, мы прибывали здесь регулярно. Озеро перестало быть тайным, а точнее позже мы узнали, что оно никогда им и не являлось. Со временем стали приходить люди, купаться, рыбачить... и детство кончилось.

Через несколько минут из-за веток вышла Оливия. На ее мокрые плечи свисали русые, потемневшие от воды, волосы. Завернутая в полотенце, что взяла при выходе из дома, она совершенно спокойно стояла передо мной, мягко, но устремленно направив взгляд.

– Я готова искупаться еще раз, – произнесла она, наивно улыбаясь с горящими глазами.

– Нет, я... – на секунду я растерялся, ее отсутствию стеснения, – ...в общем, одевайся, нам пора идти. Скоро вернутся твои родители, мы должны быть дома.

– Родители не будут сердиться, если не застанут нас дома, я же с тобой. И к тому же... – продолжила она этот непонятный разговор, – я могу помочь развеять печаль?

Кокетливо! С подвохом! С намеком?! Я почувствовал каплю воды, упавшую на мою рубаху с пальцев этой девушки, которую я уже не узнавал. Я не глупец, чтобы не понимать этого намека, но и не такой мерзавец, чтобы поддаться соблазнению сестры, что была объектом моей бесконечной заботы, начиная с нашего раннего знакомства.

– Оливия...

Я отвернул голову от этого позора, хотя толком еще ничего не произошло, и неизвестно произошло бы. Зашла бы она за черту, которую будет необыкновенно сложно собрать из развалин, что оставил бы этот все меняющий диалог?

– Что?

Меня убивало все. Все действия. И стыдили ни за что, все слова.

– Джеймс, разве ты не понимаешь, что я хочу сказать этим? – держа руку на крае полотенце, миловидно произносит она, совершенно не осознавая, что сейчас может все испортить.

Снова в попытке провести мокрой рукой, уже по моей каштановой длинной челке, свисающий на лоб, и не контролируя эмоции, я грубо схватил ее за руку, поддерживая чуть не падающее полотенце, которое она так хотела отпустить передо мной, мечтая о сладостной, долгожданной взаимности.

– Мне больно! – всхлипнула она.

– Да что же ты творишь?! – кричу я на нее.

– А что не так, Джеймс?! Что? – отдергивает она руку.

Второе качество, которое меня раздражало, и на веки будет раздражать в людях, это не понимающий человек: «О чем ты? Что я сделал?» – и все из этой позиции. Когда люди делают из себя дураков, совершающих неразумные действия, а потом просто делают вид, что в этот момент они не были в теле, и что все невежественные действия были не под их руководством. Но что, если она правда не видела ничего постыдного в том, что видел я? Угрозу ее непорочности и невинности.

– Ты ведешь себя как распутная девка. Вот что не так! – произнес я мысли в слух, подавшись эмоциям.

– Не кричи на меня! – расплакалась она от неожиданности, либо от обиды, что жжет ее изнутри. – Я... просто не понимаю. Не понимаю! Почему нет? Почему все они? Почему все, но не я?! Ты любишь каждую, но не сумел полюбить меня! Ты просто убиваешь время, пока твой отец умирает, корячившись на работе!

Мне не стыдно, что в тот момент моя рука не согласовалась с разумом, и оказалось на ее молодой щеке, моментально покрасневшей от моего злостного удара.

Когда люди доверяют свое сокровище, ты должен сделать все, чтобы не разочаровать их? Я разрешал многое. Она была для меня особенной, просто необыкновенным ребенком. У нас очень большая разница в возрасте, что всегда мне нравилось. Чувство ответственности, и ощущение себя, как старшего брата. Сильным, справедливым, и балующим свою девочку. Даже когда я избегал ее, от шокирующей новости, что загнала меня в угол, так не переставало быть. До этого момента. Я не знал, что такое может произойти, а может это лишь вспышка гнева, что пройдет через какое-то время.

Притащив ее из леса, крепко сжав руку, мы вышли на тропу, что вела к дому. Уже виднелись крыши наших домов.

– Оливия! Джеймс! – послышался удивленный голос тети Энн.

– Мама, мы с Джеймсом ходили прогуляться неподалеку. Как вы сходили к тетушке? Как она себя чувствует?

– Более-менее. Уже получше. Подробности расскажу за чаем. Джеймс, благодарю что провел время с ней. Хочешь зайти на чай?

– Нет, мам. Джеймс говорил, что сегодня у него большие планы, – не дав ответить мне, сказала уверенно Оливия, не бросив ни взгляда на меня.

Тетя Энн подозрительно взглянула на меня, но я кивнул ей в знак, что все хорошо, и я вправду занят.

– Ох, ну что ж, ждем в следующий раз! – непринужденно ответила она.

Я, промолчав, ушел. Что мне оставалось делать? «Ты любишь каждую» – крутилось у меня в голове. Если бы она только знала. Если бы знала, что я никогда не любил каждую. Я любил тебя. Но боюсь, что этот ответ сделает тебе больше, чем мое молчание. Ведь в этой фразе у нас слишком разное значение.

Глава 4

– Почему ты не говорил, что Оливия выходит по вечерам на костер? – спросил я, сидя на деревянных перилах курятника.

– А она ходит? – удивленно спросил Гейб, но тут же уставши выдохнув, продолжил говорить, когда я дал понять, что знаю подробности. – Я видел ее всего раз там. Нечего беситься.

– Нечего беситься? – возмущенно спрашиваю я.

– Послушай, я не знаю, что это за синдром защитника, но насколько я понял из твоих рассказов, единственный кто обижает ее, это ты, а не парни с ночных посиделок.

– Но что же мне делать! – раздраженно откинул я в сторону ранее подобранный камень.

– Оливия нравится тебе? – серьезно спросил друг.

Я молча, отрицательно помотал головой, и хотел оставить Гейба за его утренней работой, но он приостановил меня.

– Джеймс, думай лучше о нашем плане, не забивай себе голову, это все образуется. А с ней я поговорю об этом.

– Не упоминай о том, что я сказал тебе... про вчерашнее, – настороженно предупредил я.

– Конечно, – с понимаем ответил он, и я, снова обернувшись, удалился; шагая по мягкому селу.

Я зашел домой за сумкой, что понадобится мне в течение дня, для того, чтобы не возвращаться. Отец спал. Я смотрел на него, какое-то время... Но достаточно быстро усвоил, что никогда бы не посмел взглянуть еще раз в его открытые глаза, ну а если бы и посмотрел, сгорели бы от стыда, наверное, мы оба, за те игнорирования чувств, что мы проявляем друг к другу день изо дня.

Его вина. Вина перед мамой, мной. У каждого, свое наказание, мое уже прошло в прискорбных порывах гнева и печали, а его наступит с одиночеством, что не заставит себя ждать.

Для покоя, уединения и гармонии, я всегда выбирал водоемы. «Сливаясь со звуком всего живого, можно постичь истину» – писалось в одной нудной книге, названия которой я и не запомнил. Но моя версия о том, что познать, так называемую истину о себе, мы можем и в пустой комнате.

Всего лишь нужно восстановить дыхание. Позабыть о людях. Раствориться в надуманном блаженстве, забыв о существовании всего, что пагубно влияет на наше «я», а потом проснуться, и признать иллюзию истинной, ведь истинна должна быть приятна.

Нет, водоемы я выбирал только по причине, что там тихо. Не больше.

В любом случае сегодня что-то перемкнуло, и я решил навестить давнего, верного друга. Филина. Гордый, не истрепанный временем, с хорошей памятью на лица, с чувством долга на его массивном теле, конь.

Что бы добраться до конюшни надо было совершить «кругосветку», так мы шуточно называли путь от дома до конюшни, когда были детьми. Выбегая в спешке на улицу, мы с мальчишками кричали в окно своим родным, чтобы не переживали. «Из этого путешествия вернемся мы не так уж и быстро, но все же вернемся» – героически повторяли мы своим родителям, давая очередной повод переживать. После этого мы убегали. Стоя на том же месте, и так же разрабатывая план «Как туда добраться, не повредив колосья?», которые окружали меня всюду.

Трапа была шириною будто в нить, и как аккуратно добраться туда, я не имел представления. Передо мной было необъятное, желтое поле, которое колыхалось от малейшего ветерка. Солнце настолько обжигало кожу, что приходилось прикрываться руками, но это только мешало ровно держаться на ногах, не шатаясь, и не приминая новые колосья.

Прийти в поле в полдень, было глупым решением, тут же понял я. С трудом делая шаги, я чувствую, что колосья начинают раскачиваться из стороны в сторону. Все дальше и дальше шагая, они оказываются мне по пояс.

Прекратив шаг, и прислушавшись, я уловил, что кто-то еще пробирается через колосья. Повернувшись, скорее я ожидал увидеть дикое животное, однако мне повезло намного больше. Я увидел ту, кто вызвал у меня необъяснимую улыбку, и даже ее имя моментально мне вспомнилось, хоть и прошло пару дней с той забавной встречи.

Грейс. Она так же, как и я пробиралась через эти дебри, но меня опять не заметила. Я решил попытаться как можно тише подобраться к ней на этот раз. Даже, не зная, с какой целью. Удивить? Напугать? А вспомнит ли эта девушка вообще меня? Я подошел совсем близко, но она резко повернулась, что испугался скорее я.

– Как некрасиво пугать даму, да еще и в таком месте! – с надменной улыбкой у краешка губ, поучительно произнесла она.

– Я совсем не собирался пугать вас, – разводя руки, оправдался я.

– Но могли, – обвела она глазами меня. – Не стоит подкрадываться, в первый раз вы были более предусмотрительны.

– Вы вспомнили меня! Я рад, – искренне сказал я с улыбкой.

– Разумеется с трудом, но ваши длинные пряди волос и видное самолюбие дали о себе знать.

– Видно я оставил у вас не очень хорошее впечатление, но могу это, довольно быстро, исправить, – сказал я, не заметив, как разглядываю капельку пота, что стекает по ее длинной шее к оголенной ключице.

Ее вид был более легок чем в первую нашу встречу. Легкое, длинное платье, со смешанными голубыми оттенками и пышными рукавами, что теребились от ветра вместе с прядями волос, которые невероятно гармонично смотрелись с ярким, насыщенным цветом всего поля, освещенного дневным пылающим солнцем.

– Я подумаю над этим, сейчас же мне нужно в конюшню. Один мой знакомый направил меня сюда.

– Я знаю, кто направил тебя сюда. Если встретишь его еще раз, лучше не слушай его болтовню.

– Мне сказали он проведет меня туда, – утвердила Грейс.

– Видимо, проведу я, – сказав, махнул в сторону конюшни, до которой нам предстояло добраться.

Я протянул ей руку, но она гордо отказалась, нахмутив брови.

– Я, Джеймс, если ты захочешь знать, – представился я по дороге.

– С чего бы мне хотеть узнавать тебя? – упрямо спросила девушка.

– Если не сейчас, то скоро захочешь, – признался я, не скрывая самодовольной улыбки.

Через несколько минут ходьбы молча, мы дошагали до входа в конюшню, в которую, казалось бы, так легко пройти.

– Так почему ты была тогда расстроена?

– Ты вообще умеешь молчать?

– Можешь не отвечать, но тебе же будет легче! – бросил я на нее обаятельный взгляд.

– Я ответила тебе тогда.

– Нужен нормальный ответ, – уточнил я.

Она тяжело выдохнула, закатив глаза как ребенок.

– Это связано с доходами семьи. А точнее... с переменами, которые могут за этим быть.
– Мы еще не говорили о том, как такую богатенькую девушку занесло сюда, – припомнил

я.

– Мы вообще не говорили, почти, – поправила Грейс.

С открытием двери, я пошел в сторону Филина. Давно я его не видел. Я открыл товарища. Грейс стояла чуть дальше от Агастуса, рыжевато-коричневого, такого же по росту, высокого коня.

– Выбрала?

– В смысле выбрала? – протянув руку к коню, спросила, будто не понимая, о чем я.

– Ты ведь не просто так пришла сюда. Слушай, я здесь с самого детства, а ты точно приезжая, так что я буду рад провести тебе экскурсию.

Грейс бросила на меня подтверждающий, одобрительный взгляд, а тем временем, я быстрым шагом направился за седлом и уздечкой.

– Он великолепен! – восхитилась она конем, поглаживая его длинную, твердую шею.

– А ему повезло, – усмехнулся я, – я уж, думал от тебя не дожждаться комплимента.

– Я не такая черствая, – кивнула она, и добавила, – по крайней мере для лошадей.

Она все смотрела на меня своими чертовски красивыми, голубыми глазами, в которые я покорно загляделся.

– Ты же... понимаешь, что со мной такое не пройдет, – начала она с усмешкой возвращать меня в реальность.

На что я, непонимающе, качнул головой, подумав, что пропустил что-то, что она сказала перед этим.

– Эм... Ты, я, слова «ему повезло», и что-то в этом роде не действуют на мое расположение к человеку, – она покачала головой.

Может, она и такая стойкая, но навряд ли это будет мне являться проблемой. В ту же минуту я понял, что не заметил, как стерлась грань, между первоначальным желанием обчищать ее, и искренней заинтересованностью, что так стала чужда для меня.

Грейс с легкостью залезла на лошадь, хоть я и сомневался, что в платье это возможно. И не став ждать меня, она уже направлялась вперед. Так и началась конная прогулка. Через время я смог догнать ее, и скакать на равной скорости, не замечая неприятные ощущения в копчике.

– А ты неплохо...

– ...водишь конем для девушки из города. Я знаю, правда моя мать говорит, что я много уделяю этому времени, и сначала научилась бы манерам, – продолжает девушка, пока я перевожу дыхание.

– А она права, – запыхавшись произнес я, и она кинула на меня угрожающий взгляд.

– Я и не ожидала услышать ничего другого от тебя, – сказала она высокомерно, когда перегнала меня на коне.

– Не думал, что тебя можно задеть, – крикнул я ей в след, но все же пытаюсь догнать, чтобы увидеть ее раздраженное милое лицо, со вздернутым кончиком носа; что доставило бы мне удовольствие, кажись оно еще наглее.

– Ты не сможешь меня задеть, – усмехнулась она.

Долгое время мы молчали, любовались видом бескрайних полей и лесов, чьи границы растворялись в наших глазах. Холмы, в гору которых мы поднимались, и будто бы заново встречали солнце. Переходили через ручьи, наслаждаясь мимолетной влагой. Все переливалось, из одной окраски в другую, нас ослепляли солнечные лучи, исходившие от зенитного солнца.

Она так красиво смотрелась... Казалась мне лесной нимфой, а я чувствовал себя одуряченным влюбленным. Влюбленным? Нет, я не был влюблен, и эту мысль я гнал как можно дальше, так как в дальнейшие планы не могло входить ничего лишнего. Тем более как можно

было подумать о влюбленности направленной на девушку, с которой разговоры держатся на пререканиях?

Как бы не стремился я к богатству, в душе моей было отвержение. Справедливость на стороне людей высшего общества, даже если закон говорит об обратном. А нам – людям простым, приходилось всегда плыть по течению, пока не разобьемся об какого-нибудь графа, ну или кого ниже; решение которого будет на место нашей гнилой крыши над головой, поставить там что-то более значимое. Ведь значимость и ценность для общественности, как и справедливость – держатся на количестве денег и амбиций мужчин.

– Тут недалеко от озера Фаины. Лошадям нужно передохнуть, – спустя столько времени сказал я.

Девушка кивнула и направилась, следуя за мной.

Мы доехали до озера и наконец встали на свои ноги. Я отвел лошадей в удобное для них место, а Грейс уже успела скрыться за деревьями, окружающими это место.

«Это не легенда, а правдивая история» – как нам рассказывали местные старики, прожившие тут достаточно, чтобы писать сборник рассказов, происходящих в Озерных краях. Раньше это было болото, но, а когда Фаина – местная дурочка, утопилась из-за неразделенной любви, и около тела девушки образовались цветки, а вода очистилась до кристального цвета, водоем, этот, признали святым, как и саму Фаину.

Но есть и люди, которые полностью отрицают эту версию про очищение воды, утверждая, что она всегда была чиста из-за большого количества кремня, и тело девочки лишь повод привлечения проезжих, кои могли бы вложиться в нашу деревню; хотя на каких основаниях, никто не говорил. Вторая версия казалась намного обоснованней.

Времени прошло очень много, к счастью, поэтому люди стали более трезво воспринимать такие повествования и не принимать их за чистую монету. Однако, если так подумать, то и был плюс. Можно похвастаться, что и у нас в деревушке есть достопримечательность, хоть и единственная.

– Мне жаль ее, – облокотившись на большой камень, заявила она. – Хотя, чему расстраиваться? Выбор уже сделан, – поменяв мнение, продолжила она. – А ты что думаешь?

– Я? Даже не знаю, если честно. Это было давно, да и информация не достоверна. Я никогда не воспринимал это всерьез, – честно отвечаю я.

– Сделав большую ошибку, она наверняка не думала о последствиях. После случившегося, родители девушки устроили публичный скандал; невеста его бросила, а родители, которые думали всю жизнь о том, чтобы поскорее сплавить своего избалованного сынка, так и сделали, отказались от него, под предлогом позора, что принес он в знатные дома, на обсуждения их знакомым за бокалом спиртного. Сочувствие подкреплялось лицемерием. Парень кинул ее из-за маленького преданного, что как ему казалось, оскорбляло его. Родители Фаины переехали в вашу деревню под старость лет, дабы быть поближе к дочке, упокоившейся здесь. Только вот, могу заверить, что это был ход для привлечения богачей для покупки земель, и ее родителей тут никогда не было, – улыбнулась она, зная, что удивила меня сполна.

– Я восхищен.

– Я наводила справки, и интересовалась местной историей. Скучно, но не без утопленников, – кивнула она в сторону озера, сложив руки.

После истории про девушку, чье имя стало названием теперь уже известного озера, (к сожалению, благодаря ее кончине) стало темой, что еще на один шаг сблизила нас со златовласой нимфой. И хоть все можно было сделать проще, я искал наслаждение в том, что отдаленные люди могут найти друг в друге нить схожести мыслей. В простых, обычных разговорах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.